

Мамедов Агамали Куламович
профессор, доктор социологических наук,
заведующий кафедрой
социологии коммуникативных систем
социологического факультета
МГУ имени М.В.Ломоносова
e-mail: akmnauka@yandex.ru

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИОЛОГИИ В НАУЧНОМ ЗНАНИИ

Ключевые слова: позитивизм, научная парадигма, теоретическое знание, эпистемология, познание, методология, научная революция.

Аннотация. В статье рассматриваются методологические основы социального познания, теоретические основания социальной науки; определяется место социологии в системе наук, проводится критика позитивистского подхода к анализу методов социологии; осуществляется эпистемологический анализ теоретических конструктов, послуживших основой современного социологического знания. Постулируется необходимость теоретического знания в социологии, философских и методологических конструктов в ней.

Keywords: positivism, scientific paradigm, theoretical knowledge, epistemology, knowledge, methodology, scientific revolution.

Annotation. The article describes the methodological foundations of social cognition, criticized the positivist approach to sociological knowledge. The article postulates the importance of theoretical knowledge, philosophical and methodological constructs in sociology. ПОДКОРРЕКТИРОВАТЬ

Любому исследователю, приступающему к изучению социальных наук, бросается в глаза множественность (плюрализм) различных теорий и методов социального познания, жестко конкурирующих между собой, и, как следствие, — раздробленность научного поля и сообщества, специализированного в области социальных наук. При этом, многочисленные группы, на которые

разбито это сообщество, не могут договориться между собой даже и по самым общим и фундаментальным для них вопросам [Кун, 1977: 10-11], чего вовсе не наблюдается (по крайней мере, на первый взгляд) среди ученых-естественников. Иначе говоря, социальные науки, с этой точки зрения, больше похожи на философские дисциплины и теории, чем на науки о природе. Преобладающая в эпистемологии позиция, закрепленная не только в учебниках [Гусева, Леонов, 2015: 59], но и в убеждении большинства ученых, сводится к тому, что социальные науки в настоящее время все еще отстают в своем развитии от наук о природе, и это выражается, в частности, в том, что они все еще недостаточно отделились от философии. Нетрудно заметить, что это объяснение основано на представлении о том, что отделение науки (наук) от философии не только возможно, но и необходимо для того, чтобы они могли стать зрелыми науками. Известно также, что впервые это положение было сформулировано в качестве руководящего принципа в начале 19 в. французским мыслителем Огюстом Контom, положившим тем самым начало позитивистской эпистемологии. В целом развитие эпистемологии и истории науки в 20 в. (в том числе, и самого позитивизма) накопило уже, на наш взгляд, достаточно оснований для того, чтобы, если и не отвергнуть полностью эту точку зрения, то, по крайней мере, радикально ограничить ее и исправить. Постпозитивистской переформулировки этой доктрины, осуществленной во второй половине 20 в. К. Поппером, Т.Куном, П. Фейерабендом [Поппер, 2004; Кун, 1977; Фейерабенд, 1986] и др., на наш взгляд, все же недостаточно и требуются дальнейшие исправления. Более конкретно мы отстаиваем посыл, что вытекающее из этой эпистемологии представление о якобы произошедшем (и происходящем) отделении всех наук от философии и об отставании в этом процессе социальных наук от наук естественных, является заблуждением (когнитивным предрассудком), причем, достаточно грубым, и потому оно должно быть отвергнуто. Более того, если и признавать некоторый недостаток социальных наук, то он состоит не в том, что они еще не полностью отделились

от философии, а, наоборот, в том, что они недостаточно проникнуты еще философской рефлексией. Критикуемое нами представление может быть отвергнуто (или поставлено под серьезное сомнение) уже и по самым общим (философским) соображениям. Действительно, в настоящее время имеются некоторые внешние основания говорить об отделении наук от философии, поскольку ученые и философы с некоторых пор обучаются на разных факультетах, работают в разных лабораториях и институтах, читают разные книги, развивают разные теории и общаются между собой на разных научных форумах, где они практически не пересекаются друг с другом. Однако вся эта обособленность наук носит преимущественно социальный (институциональный) характер и является только видимостью, принимаемой за сущность. Если же смотреть в сущность, чем и занимается эпистемология, то о каком-либо отделении науки от философии не может быть и речи. С логической точки зрения, оно представляется даже нонсенсом, поскольку предполагает некое отделение особенного от общего (всеобщего), некий разрыв между ними и переход каждого из них к какому-то отдельному и независимому существованию.

При этом, достижения эпистемологии и истории науки последнего времени уже дают достаточно оснований для того, чтобы утверждать, что все науки на любой стадии их развития представляют собой не какой-то разрозненный набор безразличных друг другу предметов, подобный набору фломастеров, собранных в одной коробке, а, скорее, — единый живой организм, в котором все его «части» и «отделы» взаимосвязаны, взаимно подчинены друг другу и непрерывно взаимодействуют в рамках и интересах целого. Все изменения в науке всегда происходят совместно. Поэтому, начиная с античности, в которой зарождается впервые Наука как таковая, все науки развивались (и продолжают развиваться), во-первых, только в рамках (в лоне) философии как их общей основы, а, во-вторых, — только совместно, а не по отдельности и независимо друг от друга. И, следовательно, все рассуждения о

разной скорости развития в разных науках и разной степени развитости частных наук, по сравнению с другими, не имеют под собой надежной основы, а потому все такого рода оценки носят субъективный (в основном «физикоцентрический») характер и не выдерживают серьезной критики.

Однако понятно, в то же время, что одних этих общих рассуждений недостаточно, поскольку позитивизм в том и состоит, что он противопоставляет этим рассуждениям такие же, но свои собственные общие рассуждения, основанные на других посылах, и при этом именно его рассуждения, а не приведенные выше, большинству ученых кажутся наиболее здравыми и правдоподобными. Поэтому единственный путь состоит в том, чтобы углубиться в рассмотрение принципов и деталей самой этой критикуемой (позитивистской) точки зрения и показать, в чем именно заключаются ее ошибки, исходя из самой же этой точки зрения. Вначале мы рассмотрим первоначальную версию теории об отставании социальных наук, сформулированную впервые О. Контом, затем — ее новую (постпозитивистскую) версию и покажем, в чем состоят их ошибки. А в заключение мы сформулируем свою точку зрения на указанный плюрализм парадигм в социальных науках и на то, как следует относиться к этому факту.

История социологии, как она излагается сегодня в большинстве учебников [Масионис, 2004: 39-40], начинается с того, как в начале 19 в. молодой Конт, математик и физик по образованию, интересовавшийся в то же время и социальными вопросами, был удивлен и даже поражен неудовлетворительным состоянием «моральных наук», как они тогда назывались, что и побудило его всерьез задуматься над путями и способами реформирования этой области познания. Разработанная им программа реформ и привела якобы в итоге к тому, что неудовлетворительные и неполноценные «моральные науки» начала 19 века превратились, наконец, в настоящую «научную науку» об обществе — в современную социологию. Роль и значение Конта в истории социальных наук, конечно, очень велики, но они совершенно

не те, что ему обычно приписываются в учебниках по социальным наукам. Прежде всего, отметим тот факт, что Конт, строго говоря, не имел достаточно компетенции, чтобы судить о зрелости или незрелости социальных наук его времени или об их отставании от естествознания. Сам по образованию был математиком и физиком, а в области «моральных» и «исторических» наук своего времени являлся дилетантом. То же самое мы должны сказать и о его учителе — Сен-Симоне (еще большем дилетанте), а также и об обоих его известных последователях — Г. Спенсере и Дж. Ст. Милле — все они в науках об обществе были такими же дилетантами, и потому, по большому счету, не могли вполне адекватно судить о состоянии и развитии социально-гуманитарных наук в их прошлом и настоящем. Наконец, и все те энтузиасты, которых удалось тогда увлечь своей программой новой науки об обществе, как самому Конту, так и его последователям, — все они тоже были в основном дилетантами, чем и объясняется их энтузиазм. Неслучайно, что энтузиазм охватил в основном британо-американское и (в меньшей степени) французское научное сообщество, в то время как немецкое, воспитанное на более глубокой философской традиции, восприняло научную программу Конта либо скептически, либо даже отрицательно и встало в оппозицию к ней.

Во-вторых, если мы обратимся к фактам того времени, то увидим, что о каком бы то ни было застое в социальных науках или об отсутствии значимых научных результатов в них не могло быть и речи. Наоборот, большинство наблюдателей тогда приходили к вполне обоснованному выводу, что «моральные науки» с некоторых пор (с 16 в., в котором началась научная революция в естествознании) стали резко прогрессировать. Особенно бурное развитие переживала относительно новая для начала 19 в. наука политической экономии, успехи которой получали высокие оценки даже и со стороны таких абсолютных оппонентов эмпиризму, каким был, например, Гегель [Гегель, 1990: 234]. Имена Кенэ, Тюрго, Смита, Сэя, Рикардо, Мальтуса, Сисмонди, Листа и других выдающихся ученых, работавших в области этой новой науки,

были хорошо известны образованным европейцам того времени, включая, разумеется, и Конта, и вызывали огромный интерес. Но и в других социальных науках тогда наблюдалось не менее бурное развитие, а именно, — в политологии (Гоббс, Локк, Вольтер, Руссо, Юм и др.), в самой социологии, понимаемой в узком смысле (Монтескье, Вико, Вольтер, Гельвеций, Фергюссон, Рейналь, Беккариа, Токвилль), в истории (Вольтер, Гердер, Гиббон, Нибур, Дройзен, Тьери, Минье, Гизо, Морган и др.), не говоря уже о социальной философии (Локк, Юм, Дидро, Гегель и др.). Ни о каком застое в социальных науках того времени невозможно было и думать, наоборот, всем очевидно, что социальные науки того времени переживали самую настоящую научную революцию (понятие современной эпистемологии). Поэтому и речь могла идти лишь о том, что это очевидное бурное развитие социальных наук происходило, на чей-то взгляд, совершенно «неправильно», не так, как оно казалось кому-то желательным - речь тогда могла идти лишь о чьей-то субъективной интерпретации очевидного всем социального факта.

Очевидно также и то, что главной причиной и поводом к подобным субъективным интерпретациям были переживаемые тогда последствия Великой французской революции. Причиной же самой этой революции большинство думающих людей того времени (за исключением марксистов, тогда еще только формировавшихся в особое научно-политическое сообщество) считали именно разрушительные социальные теории, развитые в «моральных науках» в 17-18 вв. Причем, к этому мнению во Франции пришли, как известно, задолго до Конта и задолго до самой революции. После же революции и всех бедствий, пережитых европейскими странами, естественно, потребовалось (и прежде всего самой Франции), во-первых, какое-то объяснение причин столь «неудачной» попытки воплощения, казалось бы, самых передовых социальных теорий в жизнь; а, во-вторых, — разработка какого-то противоядия от появления подобных теорий в будущем. А поскольку под сомнение был поставлен и сам человеческий разум, лучшим воплощением которого как раз и

считалась до Революции вся французская (материалистическая) философия, то требовалась и реабилитация самого разума. И именно этим практическим целям и отвечала, как нельзя лучше, позитивистская социальная философия Сен-Симона и Конта.

С одной стороны, она объясняла губительность применения социальных теорий незрелостью социальных наук, неспособных якобы вырабатывать научно обоснованные рекомендации для политиков; а, с другой, предлагала этим наукам достойный образец для подражания — науки о природе, которые ни в каких губительных последствиях применения их теорий на практике замечены тогда еще не были. Но это была лишь только внешняя — практическая — сторона позитивизма, которую вполне удовлетворительно разработал на своем уровне компетенции и сам Сен-Симон (лозунг учиться у физиков вообще и у Ньютона, в особенности, выдвинул именно он). Но эту цель и программу нужно было обосновать как-то еще и теоретически (эпистемологически), то есть придать ей вид не субъективного мнения, а объективной научной теории, чего сам Сен-Симон за недостатком образования сделать не мог. И вот эту задачу как раз и решал своей эпистемологией Конт. Аналогичную научно-политическую программу (но с противоположными, — разрушительными целями) развивал в тот же период (отталкиваясь тоже от Сен-Симона) К. Маркс, который, однако, не стал создавать под нее собственную эпистемологию, а просто сослался на то, что такая эпистемология, дескать, уже разработана Гегелем, просто ее нужно «перевернуть с головы на ноги» (чего ни он, ни Энгельс, так и не сделали). Конт же действительно создал совершенно новую эпистемологию, отвечавшую как самому духу того времени. Конт утверждал, что настоящая наука не должна заниматься ничем иным, как только собиранием и обобщением фактов — должна быть чисто эмпирической наукой, лишенной всякой «метафизики» и всяких попыток объяснения наблюдаемых явлений. Нужно только наблюдать, измерять и обобщать — и ничего больше. И именно этим и занимаются, по его мнению, с 16 в. все науки

о природе, чем и объясняются их огромные успехи. Социальные же науки еще не дошли до признания этого, единственно научного метода (Конт назвал его «позитивным» методом) и целиком еще погрязли в старом, «метафизическом» и «теологическом» методе, почему и не могут продуцировать настоящее научное знание. Эта эпистемология была полностью ошибочной, она представляла собой упрощение и даже «кастрацию» науки, но в ней содержалось то рациональное зерно, что эмпирическая составляющая социальных наук того времени и эмпирические методы исследования общества в тот период действительно были еще не столь развиты, как в науках о природе, хотя и это отставание не стоило бы ни в коем случае преувеличивать. Социальные наблюдения и измерения еще не были поставлены на столь же высокий технический уровень, как в естествознании того времени. Но и они уже демонстрировали тогда первые и весьма серьезные успехи (Ф. Ле Пле во Франции, и особенно А. Кетле в Бельгии). А само зарождение этих методов относится к тому же 17 в. (ирландские ученые Д. Граунт и В. Петти). Первые социальные опросы были проведены шотландцем Дж. Синклером (1799); массовые обследования положения рабочих во Франции - по поручению Академии моральных и политических наук - Виллерме, Буанстоном и Бюре в (1840), а в Англии — Ф. Энгельсом (1845) [Желтов, Желтов, 2010: 330-338]. Петти называл это новое направление социальных исследований «политической арифметикой» и «политической анатомией», Кетле называл его «социальной физикой», а Конт, называвший его первоначально тоже «социальной физикой», переименовал его потом в «социологию».

Однако наука не сводится ни к простому накоплению фактов, понимал это и сам Конт, ни даже к их обобщению, чего он, видимо, так и не понял. Наука состоит главным образом в объяснении фактов, которое достигается только теоретическим мышлением, — теорией. И основной вред (или вызов) позитивизма для научного познания в том и состоял, что после Конта пришлось уже специально доказывать, что «наука по своей сущности является теорией, а

не собиранием «фактов»» [Койре, 1985: 149]. И что даже установление самих фактов направляется всегда определенной теорией, ибо без этого «лоцмана» наука просто-напросто утонула бы в море фактов. Собирать факты относительно легко, но их настолько много, что никакая наука собрать их все никогда не сможет, да это ей и не нужно. Наука занимается только теми фактами, которые интересуют теорию, и именно в развитии теорий и состоит главным образом развитие самой науки. Факты же и эмпирические методы исследования играют в этом процессе подсобную и вспомогательную, чисто техническую роль. Эпистемология же Конта ориентировала науку в основном именно на эту — чисто техническую сторону дела. В конечном счете, это принесло, конечно, социальным наукам определенную пользу, но вместе с тем — и огромный вред, поскольку отвлекло их от исследования своей теоретической составляющей. Эпистемология Конта, как уже отмечено выше, была воспринята с полным доверием и энтузиазмом в основном среди французских, британских и американских ученых и без того склонных к эмпиризму. В этих странах семена позитивизма упали на благоприятную для них теоретическую почву. Что же касается немецких (и отчасти российских) ученых, воспитанных в иной философской традиции, то последовала негативная реакция на позитивизм как на «единственно научную» методологию познания. Даже те немецкие ученые, которые не разделяли антипозитивистскую методологию Гегеля и стояли на более умеренной и лояльной к эмпиризму методологической позиции Канта (В. Виндельбанд, Г. Риккерт, В. Дильтей, М. Вебер и др.), заняли по отношению к позитивизму резко отрицательную позицию.

Однако альтернативный путь, предложенный немецкими учеными, наряду с его очевидными достоинствами, имел и существенный недостаток, состоявший в том, что предлагалось проведение слишком глубокой и резкой границы, практически — пропасти между социальным и естественнонаучным знанием. Большинство немецких ученых того времени старались показать и

доказать, что социальное познание пользуется (или должно пользоваться) какими-то совершенно особенными и специфическими методами, применимыми именно и только в этой области познания, но не в естественных науках (полностью отданных ими, в то же время, на откуп позитивистам). Основание для такого противопоставления и разрыва они находили в философии Канта, где философия теоретического и практического разума (моральная философия) полностью оторваны друг от друга и противопоставлены одна другой. Отсюда же (от Канта) и особый акцент на так называемом «отношении к ценностям» как якобы специфической черте социального познания, отстаиваемой неокантианцами.

Следует, конечно, признать, что социальные науки действительно пользуются специфическими и доступными лишь им методами, — как теоретическими (например, объяснением поведения людей через понимание рационального смысла их действий), так и эмпирическими (опрос, интервью, анализ документов и т.д.), и эти методы действительно не применяются учеными-естественниками. Однако эти методы социальных наук не противоречат самому понятию научного метода, который является общим для всех наук. Следует признать правоту позитивизма, прежде всего, в том, что он отстаивает существование общего для всех абсолютно наук понятия науки и общего метода научного познания (общих стандартов научности вообще). Тем не менее, только на основе признания единства всего научного познания вообще и может строиться критика самого позитивизма.

Другой же основой науки и научного познания может служить диалектика Гегеля, которая исходит из полного отрицания основополагающего значения эмпирического познания, полагая основой всех наук саморазвивающееся спекулятивное мышление. И если современная наука не может согласиться с такой общей методологией, то она неизбежно должна принимать эпистемологию позитивизма. Замечательно, что примерно те же самые правила для естествознания сформулировал задолго до Канта (в начале

17 в.) Ф. Бэкон, который исходил не из факта успешности наук о природе, а наоборот, — из полного отсутствия в них каких бы то ни было успехов. На фоне некоторой успешности гуманитарных наук Бэкон констатировал поразительное бесплодие и отставание наук о природе и объяснял его засильем чисто логических методов мышления, заимствованных науками о природе из логики и математики. Впрочем, его методология познания адресовалась исключительно наукам о природе. Тем не менее, О. Конт посчитал нужным распространить эту методологию и на область социального и гуманитарного познания, то есть придать ей статус научного метода вообще. Однако дальнейшая системная разработка и осмысление позитивистской доктрины, предпринятая после Конта и Милля учеными Венского кружка (Р. Карнап, О. Нейрат, Г. Фейль, М. Шлик), а также и примыкавшим к ним Л. Витгенштейном, привела в конце концов к выводу о принципиальной неадекватности этой доктрины.

Важнейшую роль в этом признании сыграли исследования историков науки, среди которых выделяются работы французского ученого российского происхождения Александра Койре [Койре, 1985], который на основании анализа научного творчества классиков физики показал, что их теории ни в коей мере не являются теми индуктивными обобщениями наблюдаемых фактов, о которых говорит позитивистская доктрина. Теории основаны на вполне конкретных «метафизических» (философских) системах и понятиях и представляют собой их конкретизацию применительно к явлениям и фактам, изучаемым физикой. Единственное отличие их от социологии и гуманитарных наук — повышенное применение математики (которая тоже, как известно, является «априорной» (чисто теоретической), а не эмпирической наукой). Его анализ трудов эпохи научной революции 16-17 вв. показал, что все они — не только и не столько по физике, сколько по философии физики, и именно в этом и заключается их революционное значение для физики как науки. «Вне всякого сомнения, — писал А. Койре, — именно философские размышления

вдохновляли Эйнштейна в его творчестве, так что о нем, как и о Ньюtone, можно сказать, что он в такой же степени философ, в какой и физик» [Койре, 1985: 24]. Именно на этой основе А. Койре предложил и разработал само понятие научной революции, которое он определил как радикальный переворот, происходящий именно в философской основе той или иной науки, а не в каких-либо ее собственных представлениях. Впоследствии именно эту теорию Койре и развил Т.Кун, полностью признавая при этом приоритет своего французского предшественника [Кун, 1977: 8, 20].

Применительно же к социальным теориям позитивистов то же самое показал на примере наиболее «солидного» и популярного из них — Г. Спенсера — российский исследователь Н.Л. Кондратьев. «Известно, — пишет Кондратьев, — что ... закон эволюции Спенсер прилагал по отношению ко всей Вселенной и ко всем ее частям. Каким путем он получен? Чисто дедуктивным (на наш взгляд, следовало бы сказать: «чисто философским» — А.М.). [Кондратьев, 1993: 102-103].

Иначе говоря, Кондратьев показывает, что в теории Г. Спенсера не факты служат руководящим началом для получения из них теории, а, наоборот, из его теории, полученной совершенно независимо от них, полностью умозрительно, следует длинный ряд фактов, которые она позволяет заметить в реальности, описать и затем подтвердить ее. Фактов, же, которые бы противоречили его теории, в системе Спенсера вообще не содержится (что не означает, что в самой действительности их нет). В итоге, накопившееся к середине прошлого века множество такого рода исследований и склонили, в конце концов, сторонников позитивизма к мысли о неполноте их доктрины.

С наибольшей последовательностью и ясностью обоснование этих выводов было представлено в работах К.Поппера, предложившего взамен классической позитивистской доктрины собственную концепцию [Поппер, 2004], получившую впоследствии название «критического рационализма» (часто ее называют также и «фальсификационизмом») [Гусева, Леонов, 2015:

7]. Согласно Попперу, нет никакого логического и вообще рационального пути, ведущего нас от фактов к теории. Понимание теории как простого обобщения фактов ошибочно. Научные теории представляют собой некие «смелые догадки», озарения, предположения, а не простые обобщения фактов. Более того, во многих случаях именно теориями определяется и направляется установление самих фактов, а не наоборот. Поэтому, не факты, а теории признаются здесь чем-то первостепенным и первичным. А факты — зависимым от них и второстепенным. Тем не менее, Поппер одновременно настаивает и на том, что именно на фактах (и в опыте вообще) должна проверяться и доказываться ценность любой научной теории. Поскольку в таком понимании явно просматривается логический круг (факты и задаются теорией и проверяют ее), то Поппер акцентирует внимание не на подтверждении теории фактами, а на ее опровержении ими. Научная теория, по его мнению, должна быть в принципе «пригодной» для ее опровержения фактами. Если же теория не способна к такому опровержению (Фрейд, Маркс и др.), то ее следует считать ненаучной. Поскольку философские теории, по определению, говорят о бытии вообще, а не о каком-то отдельном фрагменте этого бытия, который всегда только и доступен нам в опыте, постольку они, будучи всегда и везде истинными, никогда не могут быть опровергнуты. Следовательно, по логике Поппера, — они принципиально ненаучны. Но в таком случае, к числу ненаучных теорий мы должны отнести также и всю математику и саму (формальную) логику с ее законом противоречия. Получается, что истинность и научность — противоречащие друг другу понятия. Абсолютно истинная теория тем самым и ненаучна. А если теория научна, то она обязательно должна где-то и в чем-то оказаться ложной. Поэтому Поппер рекомендует стремиться не столько к поиску подтверждений теорий, сколько к поиску их опровержений. Только тогда ученые смогут убедиться в их полной научности. На этом же основании постпозитивисты и, в частности Т.Кун, предпочитают говорить уже не об истинности или ложности научных теорий, а только об их научности или

ненаучности (хотя критерии научности у Куна несколько другие, чем у Поппера).

Последнее слово в этом направлении эпистемологической мысли, принадлежит П.Фейерабенду, который утверждает, что не существует никаких критериев научности или ненаучности тех или иных теорий. Признаваемые «научными» теории не обладают никакими преимуществами перед любыми другими интеллектуальными продуктами, в том числе и считаемыми ныне ненаучными (напр., астрология, креационизм). Все интеллектуальные конструкции равноправны, и единственно разумное требование со стороны философии науки — это допущение и даже поощрение размножения таких интеллектуальных конструкций (принцип «пролиферации» идей или «все позволено»). Эта эпистемологическая доктрина получила название «методологического анархизма» (им пользуется и сам Фейерабэнд).

Но в таком случае, о каком отставании социальных наук можно говорить? Наоборот, следует признать, что социальные науки намного опережают и превосходят естествознание, поскольку именно в них принцип пролиферации идей, плюрализма концепций и принцип методологического анархизма доведены до максимального воплощения. На этом фоне естественные науки представляются чем-то отсталым и схоластическим.

Однако, еще более вредным кажется принятие самого принципа «методологического анархизма». Причем, наиболее вредными последствиями принятие его чревато не столько в естествознании, сколько в области социально-гуманитарных наук. Поэтому, как современная наука в целом, так и социальные науки, в частности, сочли за лучшее принять постпозитивистскую эпистемологию не в самой крайней ее (Фейерабэнд), а в достаточно умеренной версии (Поппер, Кун).

Однако и эта, умеренная версия постпозитивистской доктрины относится к социальным наукам весьма скептически. Она продолжает ставить им в образец науки о природе. Делает она это уже на несколько иной эпистемологической

основе - теории научных парадигм Куна. В отношении же Поппера заметим только то, что он был согласен с теорией Куна как с верным описанием развития науки, но не был согласен с теми нормативными предписаниями, которые могут быть из него сделаны [Микулинский, Маркова, 1977: 282-285].

История, как известно, любит повторяться. В 1958 г. (то есть через полтора века после Конта) другой молодой ученый, но уже американский, Кун, тоже физик по образованию, интересовавшийся одновременно и эпистемологией, и историей науки, познакомился с американскими учеными-социологами и социальными психологами Центра современных исследований в области наук о поведении и тоже был поражен фактом «неблагополучия» в области социальных наук - чрезвычайной раздробленности научного сообщества. Получалось, что более полутора веков, протекших со времени публикации Позитивистского Манифеста Конта, прошли для социальных наук практически даром. Ученых-социологов так и не удалось объединить под знаменем какого-либо единого для них понимания науки и научности, и у всех них господствуют сегодня какие-то собственные представления на этот счет. Именно этот, поразивший его факт, как сообщает о том сам Кун, и послужил для него последним толчком к оформлению у него понятия научной парадигмы, после чего «быстро возник первоначальный набросок» всей его книги «Структура научных революций» [Кун, 1977: 11]. Основные положения теории Куна кратко могут быть сформулированы следующим образом.

1. Наука начинается только с появления основополагающей научной парадигмы - какой-нибудь выдающейся теории, которая настолько хорошо объясняет и описывает факты в той или иной предметной области познания, что быстро привлекает к себе внимание множества ученых-«сторонников» этой теории, образующих научное сообщество, которое начинает (продолжает) развивать и разрабатывать эту теорию. Понятия научной парадигмы и научного сообщества — одно из главных нововведений и достижений теории Куна.

2. Однако научная парадигма для принявшего ее научного сообщества не

просто удачная теория, но одновременно и методологический образец их деятельности, по «лекалам» которого эти ученые и начинают ставить и разрешать затем более частные вопросы («решать научные головоломки»). В этом и состоит в основном содержание деятельности ученых на данном этапе сложившейся (благодаря обретению парадигмы) новой науки. Такую науку, которая исходит как из образца из одной-единственной теории и не соглашается отказываться от нее, несмотря ни на какие возникающие в ней трудности или даже противоречащие ей факты, но, наоборот, до последнего стремится справиться с ними силами самой этой теории и в ее рамках (в чем и состоит в основном «решение головоломок»), — Кун назвал «нормальной наукой». «Нормальная» деятельность ученых состоит вовсе не в перманентной критике и не в попытках опровергнуть принятую ими в качестве руководства к действию парадигму (как рекомендует науке Поппер), а, наоборот, — в защите ее любыми средствами, вплоть до логически (эпистемологически) «незаконных», и вполне стандартизированных действиях по постановке и проведению тех или иных конкретных (частных) исследований. Иначе говоря, деятельность ученых на стадии «нормальной науки» напоминает деятельность средневековых схоластов, умы которых, как известно, были скованы и поставлены в узкие рамки усвоенных ими со школьной и университетской скамьи религиозно-теологических и научно-философских догм.

3. В рамках любой парадигмы всегда имеется (или со временем появляется) одна или несколько таких трудностей или контрфактов («аномалий»), с которыми не могут справиться даже лучшие умы, разделяющие эту парадигму, несмотря и на самые настойчивые и продолжительные усилия, предпринимаемые с целью избавиться от этих проблем. Эта неудачность попыток разрешить аномалии, в конце концов, и приводит любую науку к кризису.

4. В этот период в научном сообществе обычно возникает раскол — все большая часть его членов проявляет все более сочувственное отношение к

различным другим теориям, конкурирующим с парадигмальной, и, в конце концов, с помощью одной из таких теорий им удается справиться с неразрешимыми проблемами, вызвавшими кризис старой парадигмы, и, тем самым, доказать превосходство новой теории. В результате совершается переход основной массы научного сообщества на сторону новой теории. В конечном итоге эта новая теория занимает место старой, и, тем самым происходит радикальная смена парадигм. Переход научного сообщества от одной парадигмы к другой Кун и называет научной революцией, после которой весь описанный выше процесс в науке повторяется снова — до новой научной революции и новой смены парадигм.

Следует подчеркнуть, что сам Кун излагает и иллюстрирует свою теорию на историческом материале, полученном им из наблюдения за процессом развития только одной науки — физики и только одного периода ее развития — с середины XVI по середину XX века [Кун, 1977: 12]. Тем не менее, сама его теория претендует на описание и объяснение любой области научных исследований, то есть на статус общей теории науки. И именно так она и была воспринята всеми учеными. Практически во всех науках, в том числе и социальных, признали значение теории парадигм Куна и стали использовать его понятия для методологической рефлексии в своих областях познания.

Однако в области социально-гуманитарного познания до сих пор нет консенсуса и наблюдается, наоборот, шокирующая раздробленность научного сообщества. Применимы ли в таком случае в социальных науках понятия научных парадигм и научных революций? Сам Кун полагал, что социальные науки в настоящее время находятся все еще на допарадигмальной (то есть, — донаучной) стадии своего развития. Они и близко не подошли еще к той стадии научной зрелости, на которой находятся сегодня науки естественные. Перечисляя имена ученых, установивших первые научные парадигмы (Аристотель, Архимед, Ньютон, Франклин, Блэк, Геттон и др.), Кун добавляет: «В таких разделах биологии, как, например, учение о наследственности, первые

парадигмы появились в самое последнее время; и остается *полностью открытым* (выделено нами — А.М.) вопрос, имеются ли такие парадигмы в каких-либо разделах социологии» [Кун, 1977: 34].

Как мы видим, Кун по меньшей мере, сильно сомневался в самом научном статусе социологии, и не высказывался он более откровенно по этому вопросу, в отличие от более самоуверенного Конта, лишь только из осторожности, внушаемой ему сознанием недостаточности его компетенции в этой. Однако сами социологи считают совершенно иначе. После Конта они уже не сомневаются в том, что их область познания обрела все признаки научной, и что эту научность ей и придал именно Конт. И действительно, теория Конта отвечает почти всем основным требованиям, предъявленным Куном к научной парадигме. Она была воспринята как выдающееся достижение научной мысли своего времени; она оказалась способной не только образовать широкое научное сообщество единомышленников, но и дать науке такие известные имена как Спенсер, Милль, Дюркгейм и др. А, поскольку вопрос об истинности научных теорий в постпозитивистской эпистемологии вообще снимается, то и не имеет никакого значения, верными или ошибочными были (и являются) все эти теории, — главное, что научное сообщество того времени их считало истинными. Таким образом, истории социологии как настоящей науки, с этой точки зрения, насчитывается уже около 200 лет.

Тем не менее, противоречащим теории парадигм здесь остается тот факт, что далеко не все представители социально-гуманитарных наук разделяют указанную трактовку возникновения социологии как науки. Марксисты, например, с ней решительно не согласны и считают не Конта и Спенсера, а Маркса и Энгельса истинными основателями этой науки. Иной кластер ученых считает подлинными основателями социологии Вебера и Мида. И именно эта раздробленность научного сообщества по вопросам, затрагивающим сами фундаментальные основы социальной теории, и не дает возможности признать социологию, согласно эпистемологии Куна, вполне состоявшейся наукой. С его

точки зрения, социологи сначала должны договориться между собой, прийти к какому-то более или менее общепринятому соглашению на этот счет, и только тогда вести речь о сформировавшейся науке. Современные же учебники по социологии, как правило, придерживаются одновременно и той, и другой точек зрения, несмотря на их несовместимость друг с другом. Они объявляют социологию полноценной наукой, сформировавшейся с принятием парадигмы Конта, и одновременно рассказывают о том, что в основе современной социологии лежат несколько — как минимум три упомянутых выше — конкурирующие фундаментальные научные парадигмы, причем ни одна из них никогда не сменяла другую в ходе какой-либо научной революции (см., например, учебник по социологии Дж. Масиониса [Масионис 2004]. Если же обратиться к учебникам по истории социологии, то число парадигм, признаваемых авторами фундаментальными, возрастет, как минимум, вдвое, а то и более [Желтов, Желтов, 2010].

Созданная на материале одной только физики теория Куна демонстрирует бессилие в попытках описать и объяснить развитие процесса познания в области наук социальных. Но это бессилие теории парадигм тем более удивительно, что, с одной стороны, теория Куна впервые (если не считать аналогичных положений, выдвигавшихся Марксом и Энгельсом) и привлекла внимание ученых к влиянию социального фактора на процессы принятия и смены научных теорий, а, с другой, — сама социология как раз и является той наукой, которая специально изучает эти социальные факторы и условия развития всех общественных институтов, в том числе и науки. Казалось бы, именно применительно к социальным наукам теория парадигм и должна была продемонстрировать свою полную адекватность. Однако на деле мы видим иное. Видимо, дело здесь вовсе не в социальных факторах, а в самой эпистемологии научного познания.

Какую же сторону, в конце концов, должна занять рефлектирующая социальная мысль в этом споре? Должна ли она принять сторону теории

парадигм Куна (и тем самым признать себя не только отстающей, но еще и не вполне сформировавшейся наукой), или же ей нужно оставаться на позиции современных учебников по социологии - признавать недостаточную корректность самой теории Куна? На наш взгляд, вторая точка зрения, все же, ближе к истине, и, поэтому, в исправлении (улучшении) нуждается сама теория научных парадигм, а уже затем — и позиция самой социологии. Что мы и постараемся далее кратко обосновать.

Теорию научных революций, как уже подчеркнуто выше, создал в основном Койре; так он обозначал лишь перевороты, совершаемые в самих философских основах науки, а не в ее частных вопросах и дисциплинах. Кун же в своей теории снял это ограничение, причем, именно это он отмечает в качестве своего личного вклада в рассматриваемую теорию [Кун, 1977: 24]. Иначе говоря, он расширил понятие научной революции, распространив его на любые смены теорий (парадигм), в том числе и в частных научных дисциплинах.

Во многом именно из-за этого смешения частных и общих теорий в трех основных фундаментальных областях познания — физике, биологии и социологии (социальных науках) — и возникает иллюзия множественности концепций (парадигм) вообще. Теории стигматизации, например, гендерные теории, теории социальных движений, теории урбанизации и т.д. не являются общими социальными теориями и потому не могут стоять в одном ряду с такими, как, например, теории Дюркгейма, Маркса и Вебера. Поэтому, если отделить частные теории от теорий действительно общих, то видимость какой-то исключительной концептуальной плюралистичности социальных наук, по сравнению с науками естественными, в значительной степени исчезнет.

Более того, самых общих теорий в социальных науках не больше, чем их насчитывается сегодня в той же физике. Ведь в последней сейчас на этот статус претендуют, и Специальная теория относительности Эйнштейна, и его же Общая теория относительности, и Квантовая механика Бора и Гейзенберга, и

общая теория Термодинамики, плюс «Законы сохранения» (вещества и энергии) и плюс самое последнее добавление к ним — синергетика И.Пригожина. Причем, все эти теории не только согласуются, но во многом и конфликтуют друг с другом так же, как и в социальных науках. Таким образом, факт исключительной плюралистичности социальных наук, по сравнению с естествознанием, является больше видимостью. Тем не менее, факт плюрализма парадигм даже и в сфере одной только общей теории (причем, не только в социологии, но и в самой физике) все же налицо и требует от теории парадигм какого-то объяснения. Почему эти множества парадигм не заменяются какой-то одной общепринятой Парадигмой? Второе, не так легко замечаемое обстоятельство, постоянно сбивающее с толку эпистемологов, заключается в том, что во всех науках существует не один, а, как минимум, два типа научных теорий, по-разному проявляющих себя в отношении требования истинности научного знания. Первый их тип можно назвать описательными (или феноменологическими) теориями, а второй — теориями объяснительными (или сущностными).

Хрестоматийным примером теории первого типа являются знаменитые теории Птолемея и Коперника. Характерными свойствами таких теорий является, во-первых, то, что они ничего не объясняют, а лишь только описывают реальные объекты, а, во-вторых, — и в силу именно этой причины, — из любого множества таких теорий (моделей), относящихся к одному и тому же объекту, истинной может быть только одна из них.

Однако существуют еще и теории совершенно иного рода, — которые используют рассуждения не потому, что прямое наблюдение вещей человеку недоступно, то есть, не в замену ему, а потому, что без него вообще невозможно получить ответы на некоторые вопросы. В таких случаях человек использует свой дар мышления по его прямому назначению. Это вопросы о сущности тех или иных явлений, вопросы «почему?» и «зачем?». Ответ на такие вопросы невозможно получить никаким наблюдением даже с самой

удобной и выгодной позиции наблюдателя. Они принципиально недоступны чувственному созерцанию и могут быть получены единственно с помощью мышления. Такие теории могут быть названы объяснительными теориями. И именно такого рода теории и являются теориями в собственном смысле слова.

Но самой важной их особенностью является то, что отношения между ними могут быть совершенно отличными от тех, что существуют между теориями первого типа. В частности, здесь могут быть истинными одновременно обе теории, как будто логически исключаящие друг друга. Именно такого рода «казусы» и заставили, в конце концов, позитивистов (постпозитивистов) избегать понятия истинности в отношении научных теорий. Ведь в процессе смены научных парадигм оказывалось, что теория, считавшаяся до того истинной и подтверждавшаяся эмпирически, стала вдруг «неистинной» и заменялась другой (противоположной) теорией, считавшейся ранее «ложной».

Когда Конт выделял в объекте социологии «социальную статику» и «социальную динамику», он пользовался ни чем иным, как «метафизическим» подходом к познанию своего объекта, впервые установленным Аристотелем. Если же вернуться теперь к социальным наукам с этим эпистемологическим выводом, то мы увидим, что в них, с этой точки зрения, все обстоит вполне удовлетворительным образом. А именно, — теория Маркса в них является одновременно холистической (полагающей, что поведение индивидов управляется изменениями, происходящими во всем обществе) и физиократической (полагающей источником движения общества его низшие — экономические — подсистемы). Теория же Вебера является ее полной противоположностью — она индивидуалистична (полагает, что изменения в обществе происходят под влиянием изменений в поведении индивидов, его составляющих) и культурократична (полагает, что изменения в высшей — духовной и культурной — сфере управляют изменениями, происходящими в низших сферах общества, в том числе и экономической). Теория Дюркгейма

противоположна обеим этим теориям тем, что в ней (как ведущей свое происхождение непосредственно от Конта) акцент делается на эмпирической и описательной стороне социального познания, подобно древней астрономии, тогда как теории Маркса и Вебера акцент делают на понимающей и объясняющей (рациональной) стороне социального познания. В целом же все вместе эти парадигмы составляют единую и согласованную (через их взаимную противоположность) теоретическую систему, в которой невозможно (и не следует) отдавать предпочтение ни одной из них, но следует, наоборот, стремиться к их синтезу.

Литература

Гегель Г.В.Ф. Философия права. — М.: Мысль, 1990.

Гусева Е.А., Леонов В.Е. Философия и история науки: Учебник. — М.: ИНФРА-М, 2015.

Желтов В.В., Желтов М.В. История западной социологии: этапы, идеи, школы: Учебное пособие для вузов. — М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2010.

Койре А.В. Очерки истории философской мысли: О влиянии философских концепций на развитие научных теорий. — М.: «Прогресс», 1985.

Кондратьев Н.Л. Основные учения о законах развития общественной жизни //Кондратьев Н.Л. Избранные сочинения. М.: Экономика, 1993.

Кун Т. Структура научных революций — М.: Издательство «Прогресс», 1977.

Масионис Дж. Социология. — 9-е изд. — СПб.: Питер, 2004.

Микулинский С.Р., Маркова Л.А. Чем интересна книга Т. Куна «Структура научных революций» // Кун Т. Структура научных революций — М.: Издательство «Прогресс», 1977.

Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания: Пер. с англ. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.

Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки: Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. И.С. Нарский. — М.: Прогресс, 1986.